

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ
МЕДИЕВИСТИКЕ**

Всероссийская научная
конференция

Москва, 2020-2021

Москва
2020

УДК 930(08)
ББК 63.2
И 85

Рецензенты
д.и.н. Ю.Е. Арнаутова
д.и.н. П.В. Лукин

Источниковедение в современной медиевистике:
Сб. материалов Всероссийской научной конферен-
ции, Москва 2020–2021 гг. / Отв. ред. И.Г. Коновалова
и Е.Н. Кириллова; Институт всеобщей истории РАН.
М.: ИВИ РАН, 2020. – 460 с.

Сборник посвящен актуальным проблемам источнико-
ведения и вспомогательных исторических дисциплин в об-
ласти истории западноевропейского Средневековья и ран-
него Нового времени, Древней Руси, Мезоамерики, Индии,
арабского Востока.

Научное издание

ISBN 978-5-94067-516-7

© Институт всеобщей истории РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© И.Г. Коновалова и Е.Н. Кириллова, общая редакция, 2020
© Е.В. Казбекова, составление, оригинал-макет, 2020

О.И. Дзярнович

СУЩЕСТВОВАЛА ЛИ РИЖСКАЯ КИРИЛЛИЧЕСКАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ?

**К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ДОКУМЕНТООБОРОТА
МЕЖДУ РИГОЙ И ГОРОДАМИ БЕЛОРУССКОГО ПОДВИНЬЯ
В XIII–XVI ВЕКАХ**

Точное время возникновения архива Рижского магистрата неизвестно. Предполагается, что формирование архива началось вскоре после образования магистрата города Риги и его канцелярии (около 1226 г.) (Иванов 2004: 49). Сначала делопроизводство находилось в компетенции городского нотариуса (городского писаря); завершение процесса формирования постоянной канцелярии магистрата произошло в XIV веке (Енш 1981: 23–24).

В 1282 г. Рига присоединилась к торговому и политическому союзу северо-немецких городов — Ганзе, и с этого момента важной функцией Рижского магистрата стало поддержание хозяйственных и политических связей с Русью (в широком понимании, но прежде всего с подвинскими землями уже в составе Великого Княжества Литовского). Документы по этим связям изначально откладывались в различных структурных частях архива. Наиболее важные документы (пергаменты оригиналов договоров) хранились в специальном помещении Рижского магистрата — Kämmererі. Именно эта часть архива позже, в XVII–XVIII вв., стала известна как Внутренний архив (Inneres Ratsarchiv). Актуальная делопроизводственная документация магистрата сохранялась непосредственно в канцелярии, в том числе переписка Риги с городами ВКЛ, отдельные договоры (оригиналы и копии), послания великих князей литовских и их наместников,

копии важнейших документов, хранившихся во Внутреннем архиве. Во второй половине XVIII в. эта часть архива стала называться Внешним архивом (*Äusseres Ratsarchiv*). Исторически в Внешнем архиве образовался автономный отдел *Moscowitica-Ruthenica*.

Надо отметить, что в комплексе *Moscowitica-Ruthenica* преобладают входящие документы. Как правило, это оригиналы. Но сохранились также и современные оригиналам копии важнейших актов, произведенные в канцелярии Рижского магистрата. Некоторые древнерусские и старобелорусские акты были переведены на немецкий или латинский языки. Исходные документы представлены концептами (проектами) или записями об отправке.

Тексты посланий полоцких и витебских властей помещались на одной стороне листа, на втором писалось наименование адресата (инскрипция). Отдельные грамоты сразу после получения переводились на нижненемецкий язык. С течением времени немецкие переводы стали хранить вместе с оригиналами документов. В течение XVI–XVIII вв. (похоже, что при реорганизации архива) на самих документах были помещены аннотации, которые передавали содержание писем.

Палеографическое изучение материалов переписки свидетельствует о том, что в XVI–XVII вв. на протяжении периода длительностью 10–15 лет немецкие аннотации полученных писем выполнялись в Риге одной рукой. Можно считать, что при Рижской городской канцелярии существовала должность переводчиков. Насколько эта должность была регулярной, и кто мог ее занимать?

Первое упоминание переводчиков в документах восходит к 1189–1199 гг. В договоре между Новгородом и немецкими городами приводится слово «таль», которое, по мнению исследователей, не что иное, как описка, заменившая правильное написание «толкъ». Что касается национальности ливонских переводчиков, то немецкие исследователи считают их немцами, о чем свидетельствуют их имена: Ганс Дюркоп, Николаус (1343), Ганс, Зассенбеке (1405). Также среди переводчиков могли быть представители коренных

народов Ливонии. Это подтверждается некоторыми указаниями ливонских хроник, а также именами переводчиков в документах (Клаус Куре, то есть «из куршей»).

Сведения об обучении иностранцев русскому языку восходят к середине XIII в. В наброске договора, переданного в 1268 г. любекским послом Генрихом Булленпунтом новгородскому князю Ярославу Ярославовичу, говорится о возможности иностранцам свободно и без препятствий посылать своих сыновей учиться в любую страну. В 1346 г. ганзейским постановлением предельный возраст для обучения русскому языку определен в 20 лет. Отмечалось также, что престарелые переводчики доставляют купцам немало хлопот.

Лифляндские города на ландтаге в Вольмаре 1445 г. приняли постановление не посылать впредь учеников в Новгород и в Псков. Вместо этого стали организовывать обучение русскому языку в самой Ливонии. Обучение русскому языку в Ливонии подтверждено документально. 9 октября 1440 г. в Любекскую книгу договоров был вписан договор молодого любекского купца, который в Ревеле учился русскому и эстонскому языкам. В документе названы имена жителей Дерпта и Ревеля, уполномоченных получить плату в размере 46 рижских марок и двух шиллингов за обучение: Иван Эпеншеде, Гереке Хобере, Хинрикес ван дер Гейден.

Процесс обучения представлял собой личное общение иностранцев с русскими, с записью новых слов и выражений в тетради. С середины XVI в. века известны и первые рукописные учебники. Это «Русская книга» Томаса Шрове, книга Тенниса Фенне и другие.

Таким образом, мы видим, что обучение русскому языку в Ливонии XV–XVI вв. было организовано для профессиональных нужд купеческой корпорации. Но практика регулярного сношений канцелярии Рижского городского совета говорит в пользу того, что для выполнения переводческих функций в сфере документооборота привлекались постоянные переводчики. Эти канцелярские и купеческие переводчики выступали «субстратом интерференций» (Сквайрс, Фердинанд 2002: 94) — той средой, которая осуществляет

отбор контактных черт и формирует представления о том, как следует общаться с восточнославянскими канцеляриями.

Палеографические особенности оформления полученных документов и подготовленных черновиков ответных посланий свидетельствует в пользу этой версии. То, что это были штатные сотрудники канцелярии Рижского городского совета, остается пока версией.

Между тем, в канцеляриях городов Белорусского Подвинья эпохи Великого Княжества Литовского мы не знаем подобной практики переводов. Вся документация из городских канцелярий исходила вначале на древнерусском языке, а в дальнейшем на «русской мове» (старобелорусском языке). Только воеводские канцелярии Полоцка и Витебска с XVI в. могли выпускать документацию на латыни или на польском языке. В этой практике видится разница в дипломатике и социокультурных подходах.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ениш Г. Из истории архивного дела в Латвии. Рига, 1981.

Иванов А.С. “Moscovitica—Ruthenica” в Латвийском Государственном Историческом архиве: история формирования комплекса, состав и введение в научный оборот // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 3. С. 47–54.

Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород: Языковые аспекты исторических контактов. М., 2002.